

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ЧУЖОГО АВГУСТА



и
Николай Серебров

Николай Серебров

Последний день чужого августа

«Автор»

2026

Серебров Н.

Последний день чужого августа / Н. Серебров — «Автор», 2026

Можно ли доверять воспоминанию, если оно не твоё? В вагоне Вера чувствует запах яблочного мыла — и внезапно видит незнакомый коридор. За вспышкой приходят улица, дата, имя и чужой август, оборвавшийся в последний день. Ища следы незнакомой жизни, Вера должна отделить пережитое от догадок: совпадения ещё не доказывают, кому принадлежит память и что она означает. Чужая боль не становится своей правдой, а сочувствие не даёт права говорить за другого. Вера учится проверять выводы, принимать неполноту ответов и уважать чужое молчание. Но когда прошлое наконец заговорит, ей предстоит решить, какой поступок принадлежит ей самой. «Последний день чужого августа» — история о памяти, доверии и границах, о том, как слышать другого, не теряя себя. Для тех, кто ищет опору в неопределённости и хочет принимать решения не из страха, а исходя из собственных желаний. Книга создана с помощью ИИ. Обложка: GPT Image - Лицензия

© Серебров Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Я помню то, чего не было	6
Первый день чужого августа	10
Комната, улица, знакомое имя	14
Проверка невозможного	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Николай Серебров

Последний день чужого августа

Последний день чужого августа

Николай Серебров

Я помню то, чего не было

В вагоне пахло горячим металлом, мокрой шерстью и яблочным мылом.

Последний запах возник не постепенно. Он раскрылся у Веры под носом внезапно и отчетливо, будто кто-то провел влажной ладонью по воздуху. На миг исчезли скрип колес, объявления станций, чужие плечи и сумки. Вместо них возник коридор.

Вера узнала его раньше, чем успела испугаться.

Узкий, длинный, с вытертым линолеумом, на котором темнели круглые следы от ботинок. Стены когда-то были бежевыми, но теперь отдавали серым. Под потолком горела тускло-желтая лампа, и свет у нее был неровный: дрожал, словно коридор находился под водой. Справа — дверь с облупленной краской. Слева — еще одна, приоткрытая на ладонь. У батареи стояла девочка лет восьми или девяти. На ней было платье в мелкий синий цветок, а на ногах — мокрые носки.

Вера знала, что носки мокрые, потому что сама чувствовала холодную ткань на ступнях. Из глубины квартиры донесся женский голос:

— Миша! Миша, ты слышишь?

Девочка не ответила. Она смотрела на свою руку. В кулаке лежал ключ, длинный, тяжелый, с тремя зубцами. Металл врезался в ладонь.

Вера знала, что девочку зовут не Вера.

Она знала, что у нее нет мокрых носков.

Поезд резко затормозил. Чужая куртка задела ее щеку. Кто-то раздраженно сказал: «Пропускайте», и вагон снова наполнился обычным воздухом — горячим, пыльным, пахнущим людьми. Вера судорожно вдохнула. В пальцах побелела складка ремешка сумки.

На табло над дверью светилось: «Театральная». На часах было 8:17.

— Вам плохо? — спросила женщина рядом.

— Нет. Просто душно.

Ответ прозвучал так привычно, что Вера почти ему поверила.

Она вышла на следующей станции, хотя до работы было еще две остановки. На платформе остановилась у колонны, прислонилась к прохладной плитке и достала телефон. Вера всегда записывала важное сразу. Список продуктов, номера заявок, даты встреч. Ее списки были аккуратными, с квадратными пустыми клетками, и даже в самые невыносимые дни от них можно было получить утешение: вот пункт, вот действие, вот то, что пока не сделано.

За завтраком она отметила три дела: отправить опись в архивный отдел, забрать пальто из ремонта, позвонить Лене. Последнее дело стояло там уже четыре дня. Лена ждала ответа, соглашались ли вместе снимать маленькую мастерскую для ее занятий керамикой. Вера обещала подумать. Она думала каждый вечер и откладывала звонок на утро.

Теперь она открыла заметки и создала новую запись. Сначала написала время, потом стерла его, потому что вдруг решила, что 8:17 могла увидеть уже после приступа. Записала осторожнее:

«Метро. Около 8:15–8:20. Душный вагон. Запах яблочного мыла. Коридор: узкий, длинный, тускло-желтая лампа. Девочка в мокрых носках. Женский голос: “Миша, ты слышишь?” Ключ в руке девочки».

Ниже добавила заголовок: «Что я предполагаю».

Долго смотрела на пустую строку, потом написала:

«Я могла видеть это место раньше. Это мог быть сон. Я не знаю».

Слово «могла» показалось слишком слабым, слово «сон» — слишком удобным. Вера не стала их исправлять.

На работу она пришла с опозданием на двенадцать минут. В городском архиве пахло картоном, пылью и прохладой. Вера любила это место именно за то, что прошлое здесь лежало в подписанных коробках. Если документ терялся, его можно было искать по дате, фамилии, номеру фонда. У вещей имелись названия и места. Даже молчание хранилось по описям.

Она села за стол, включила компьютер и увидела, что оставила накануне открытым список дел. «Позвонить Лене» стояло внизу, обведенное тонкой синей рамкой. Вера закрыла окно.

Она обработала три папки переписки, сверила даты на двух карточках и внесла в электронную базу описание старой фотографии. Работала быстро, почти слишком быстро. Время от времени перед глазами вспыхивала желтая лампа, и тогда она брала со стола стеклянный графин, наливала воды и заставляла себя назвать пять предметов вокруг.

Скрепки. Папка. Кружка. Линейка. Календарь отдела.

К одиннадцати она перестала вздрагивать от звука принтера. К половине двенадцатого убедила себя, что приступ закончился и больше не повторится. Именно тогда в соседней комнате кто-то открыл флакон жидкого мыла с яблочным запахом.

Вера уронила ручку.

Она не поднимала ее несколько секунд. Пальцы покалывало, будто она слишком долго держала в кулаке холодный металл. Потом Вера медленно наклонилась, взяла ручку и попросила у коллеги салфетку.

— Ты сегодня совсем бледная, — сказала Нина, архивистка из соседнего отдела. — Может, давление?

— Не знаю. Наверное, не выпалась.

Она опять выбрала ответ, который не требовал объяснений. Вера умела откладывать не только звонки, но и саму себя: усталость — до выходных, тревогу — после сдачи проекта, решение о мастерской — до того, как Лена устанет ждать.

В обед Вера поискала в телефоне фотографии старых коридоров. Сначала ввела «коридор коммунальной квартиры желтая лампа», потом стёрла запрос. Он уже содержал слишком много подсказок. Вместо этого открыла карты и просмотрела районы, где жила в детстве. Два адреса. Три. Ни один не вызвал узнавания.

Она помнила свою детскую квартиру: узкое окно кухни, синий ковер в гостиной, дверь с круглым стеклом. Коридор был короткий, с вешалкой и обувницей. На фотографиях из семейного альбома он выглядел именно так. Там не было ни батареи у дальней стены, ни лампы под потолком, ни двери, которую она могла бы принять за знакомую.

Вера закрыла альбом. Проверка ничего не доказала. Она не могла найти место, но и не могла доказать, что его никогда не видела. Возможно, коридор был составлен из десятка чужих подъездов, в которых она бывала. Возможно, мозг собрал его из случайных деталей. Эта мысль звучала разумно, но не меняла главного: внутри воспоминания она не рассматривала коридор, а находилась в нем.

В два часа Лена прислала сообщение: «Ну что, ты решила про мастерскую? Если нет, просто скажи. Я не укушу».

Вера прочитала его дважды. Привычное «я подумаю» уже стояло у нее в пальцах, но она стерла его и нажала на значок звонка.

— Алло? — Лена ответила сразу. — Я уже начала волноваться.

— Я не про мастерскую. Точнее, и про нее тоже. Но сначала мне надо рассказать кое-что странное.

— Хорошо. Рассказывай.

Вера отошла в пустой коридор архива. За матовым стеклом кабинета двигались тени.

— Сегодня в метро я вдруг увидела место. Не как картинку. Я была там. Коридор, девочка, мокрые носки. Женщина звала Мишу. Я чувствовала запах мыла и холод в ступнях. Потом поезд остановился, и все исчезло.

Лена молчала, не перебивая.

— Я знаю, как это звучит, — добавила Вера.

— Как это звучит?

— Не знаю. Ненормально.

— Ты не обязана сейчас решать, что это значит, — сказала Лена. — Ты уверена, что была в безопасности? Не упала, не ударились?

— Нет. Просто испугалась.

— Тогда давай пока не будем делать из этого ни страшный вывод, ни красивую историю. Ты записала, что случилось?

Вера посмотрела на телефон.

— Да. Отдельно то, что помню, отдельно то, что предполагаю.

— Это разумно. А ты хочешь, чтобы я приехала?

Вера хотела ответить, что все в порядке. Это было первое желание, быстрый способ закрыть дверь. Но Лена не торопила ее и не требовала немедленно поверить в какое-то объяснение. Вера вдруг поняла, что может попросить о помощи, не предъявляя доказательств.

— После работы можешь заехать? — спросила она. — Я не хочу сегодня быть одна.

— Конечно. Куплю пирог.

— Не покупай. У меня есть яблоки.

— Ты сейчас произнесла слово «яблоки» специально?

— Нет.

— Тогда принесу обычный пирог. С вишней.

Они попрощались. Вера постояла в коридоре еще немного, слушая тишину. В ней не было ни обещания, что все объяснится, ни угрозы, что случится снова. Просто тишина.

Вечером Лена действительно приехала с вишневым пирогом. Они сидели на кухне, и Вера рассказала все еще раз, медленнее. На этот раз не называла себя сумасшедшей и не убеждала Лену, что пережитое обязательно имеет мистический смысл. Она перечисляла подробности, словно сверяла инвентарную карточку: лампа, дверь, батарея, мокрые носки, голос. На слове «ключ» пальцы сами сжались.

Лена заметила.

— Ты все еще чувствуешь его?

— Что?

— Ключ. Ты говорила, что девочка держала его.

Вера посмотрела на ладонь. Кожа была чистой. Она разжала пальцы, потом снова сжала.

— Не чувствую. Просто помню.

— Это разные вещи, — сказала Лена.

— Да.

Вера произнесла это не как вывод, а как отметку на полях. Разные вещи. Память и доказательство. Страх и факт. Она не знала, откуда возникло воспоминание, но знала, что оно случилось с ней сегодня утром. Пока этого было достаточно.

Лена ушла около девяти. Вера проводила ее до двери, закрыла замок и прислонилась лбом к прохладному косяку. Квартира была привычной: белая прихожая, обувь у стены, сумка на крючке. На кухонном столе лежал список дел. Вера взяла ручку и зачеркнула «позвонить Лене».

Рядом остались два пункта, которые она не могла зачеркнуть: отправить опись и решить про мастерскую. Она подумала, что позвонит Лене завтра, уже не для того, чтобы попросить время, а чтобы дать ответ. Да или нет. Не идеальный ответ, не тот, который исключит сожаление, а ее собственный.

С этой мыслью Вера пошла мыть чашки. Вода шумела, ладони скользили по керамике. Когда она потянулась за полотенцем, взгляд зацепился за правую руку.

На коже, поперек центра ладони, краснел след.

Сначала Вера решила, что это отпечаталась складка от ручки сумки. Но след был слишком отчетливый: длинная узкая линия и три коротких выступа у основания. Как будто ладонь с силой сжимала старый ключ.

Она перевернула руку. Кожа пульсировала. Вера раскрыла пальцы, осмотрела ногти, запястье. Никакого пореза. Никакого предмета, который мог оставить такую форму. Ее связка ключей лежала в чаше у двери, и среди современных плоских ключей не было ничего похожего на длинный тяжелый ключ из коридора.

Вера взяла связку, перебрала каждый ключ и положила обратно. След на ладони не исчез.

Она достала телефон и снова открыла запись. К фактам добавила: «Дома, около 21:26. На правой ладони след, похожий на отпечаток ключа. Возможные причины не установлены». Затем ниже написала: «Это не объясняет, откуда взялось воспоминание».

Поставив точку, Вера посмотрела на слово «ключ». В ту же секунду кухня отступила, словно ее заслонили темной водой.

На стене коридора висел календарь. Бумажный, с загнутым углом и выцветшим рисунком моря. Внизу страницы красными цифрами стояло: «31 августа».

Вера моргнула. Перед ней снова была кухня. Чашка в раковине. Полотенце на плече. Телефон в руке. Сердце стучало быстро, но она не побежала и не стала стирать написанное. Она медленно перевернула ладонь и увидела, что отпечаток ключа остался.

Первый день чужого августа

Отпечаток не исчез.

Вера задержала ладонь под кухонной лампой, будто свет мог объяснить то, чего не понимала кожа. На ней проступала бледная дуга, вмятая в линии ладони. Та же форма, что у старого ключа из коридора. Вера положила телефон на стол, сфотографировала руку рядом с чашкой и добавила снимок к записи. Потом закрыла приложение, но телефон не убрала.

Она проверила замок входной двери. Проверила еще раз, уже понимая, что делает это не потому, что сомневается в замке, а потому, что ей нужно простое действие с понятным результатом. Повернула ключ. Щелчок. Дверь закрыта. Факт.

В комнате Вера оставила включенным ночник. Перед сном еще раз открыла записку: «На правой ладони след, похожий на отпечаток ключа». Ниже набрала: «Воспоминание о календаре: 31 августа». Помолчала и добавила: «Не знаю, чье».

Это последнее предложение показалось ей важнее остальных. Она сохранила запись и положила телефон экраном вниз.

Сон пришел поздно и не сразу. Несколько раз Вера просыпалась от обычных звуков дома: от гудения холодильника, от проехавшей внизу машины, от собственного вздоха. В один из таких моментов ей почудился скрип. Короткий, пронзительный, как будто тяжелые качели качнулись и остановились.

Утром она проснулась с полной уверенностью, что за окном должен быть двор с ржавыми качелями.

Уверенность была такой же простой и телесной, как знание, что ступня стоит на полу. Вера даже повернулась к окну не сразу, а сперва села на кровати и прислушалась к этому знанию. Оно не объясняло, почему двор должен быть именно таким. Не подсказывало адреса, цвета домов, лиц. Только ржавые качели и негромкий скрип.

За окном был ее обычный вид: крыши, серый выступ соседнего здания, кусок улицы между балконами. Вера жила в этом районе давно. Она знала, где ближайшая площадка, и знала, что качелей там нет.

Она подошла к окну. На стекле отпечатались теплые полосы солнца. И все же в голове оставался другой двор: песок, затоптанный до сухой корки, металлическая перекладина, облупившаяся краска. Не картинка, которую она могла рассматривать, а место, которое будто уже знала.

Телефон показывал третье сентября. Не первое августа. Вера зафиксировала это, как зафиксировала накануне след на ладони: не объясняя и не споря.

На работу она собралась медленно. Умывалась, выбирала одежду, искала ключи. Каждое знакомое действие возвращало ей обычный день, но в этот день привычное не казалось достаточным доказательством, что все в порядке. На улице было жарко. В автобусе люди молчали, держась за поручни, и от открытых окон тянуло нагретым асфальтом.

Вера села у окна. На остановке перед ней прошел мужчина с газетой под мышкой. На секунду в стекле автобуса отразились его плечо и ее собственное лицо, и за ними возникло что-то еще: женская спина в светлой блузке, чуть наклоненная к уличному окошку кассы. Вера моргнула. Отражение пропало.

В ладони будто зашуршал шершавый билет. Не тот гладкий бумажный талончик, который она покупала в автобусах, а плотная бумага с рваным краем. Она ощутила ее под большим пальцем, почти ощутила пыль, прилипшую к коже.

Автобус затормозил. Вера сжала поручень.

«Я помню это или представляю?» — спросила она себя.

Вопрос не требовал немедленного ответа. Она посмотрела на свои пальцы, назвала про себя пять вещей, которые видела: поручень, окно, серый рюкзак, рекламный плакат, красный рукав. Потом почувствовала подошвы на полу автобуса. За окном двигался город, который она знала.

К вечеру она не смогла вспомнить, в какой момент решила записывать все эпизоды отдельно. Возможно, решение возникло еще ночью, когда она добавила фразу о неизвестной владелице календаря. Возможно, сама мысль о записях была попыткой удержать происходящее от расползания.

Она купила тонкую тетрадь в киоске возле офиса. На первой странице провела линейкой четыре колонки. Заголовки написала аккуратно, оставляя между ними одинаковое расстояние: «Ощущение», «Образ», «Эмоция», «Проверяемая догадка».

В первый ряд внесла то, что могла назвать без толкования.

Ощущение: жар в автобусе, давление в правой ладони, шершавая бумага под большим пальцем.

Образ: двор с ржавыми качелями; женщина со спины; календарь с датой «31 августа».

Эмоция: тревога, торопливость, странное ожидание.

Проверяемая догадка: проверить старые фотографии детства; узнать, видела ли она когда-нибудь такой двор.

Вера прочитала запись. В четвертой колонке было мало. Ей хотелось написать: «Я вспоминаю чью-то жизнь». Хотелось продолжить: «Женщину, которая ждала кого-то в конце августа». Но это были уже не наблюдения, а история, которую она строила из отдельных кирпичей. История могла оказаться правдой. Могла оказаться удобным объяснением. Пока у нее не было оснований выбирать одно из двух.

Она оставила колонку пустой ниже первой строки.

На обед Вера встретила с Леной в маленьком кафе напротив офиса. Подруга сразу заметила тетрадь.

— Это новый проект? — спросила она.

— Скорее попытка не потерять нить.

Вера рассказала ей про календарь, ключ и утренние качели. Говорила медленно, стараясь не подменять то, что видела, тем, что предполагала. Лена не перебивала. Когда Вера закончила, подруга некоторое время крутила чашку за ручку.

— Ты в последнее время спишь по четыре-пять часов, — сказала она. — И последние недели были тяжелые. Стресс вполне может давать очень убедительные образы.

Вера ждала продолжения, но Лена не добавила ни «ты просто накручиваешь себя», ни «не думай об этом». Она лишь спросила:

— Ты сама замечала, что хуже спишь?

— Да. Но это не объясняет календарь.

— Не объясняет. Это только одна из версий. Я не говорю, что ты выдумала. Я говорю, что причин может быть больше одной, и сейчас у нас мало данных.

Вера посмотрела на подругу. От этих слов внутри стало чуть просторнее. Не легче, не спокойнее, но просторнее. Лена не отняла у нее переживание и не назвала его доказательством.

— Я попробую выспаться, — сказала Вера. — И продолжу записывать.

— Только не превращай тетрадь в обвинительное заключение против себя.

— Тогда в протокол?

— В протокол наблюдений, — улыбнулась Лена. — Так звучит безопаснее.

После работы Вера достала из шкафа коробку с детскими фотографиями. Она не открывала ее давно. Внутри лежали альбомы с выцветшими уголками, снимки из школьной студии и фотографии, на которых родители стояли в дачной траве, щурясь от солнца.

Она раскладывала фотографии на полу, одну за другой. Вот двор дома, где она жила до школы: асфальт, квадратная песочница, красная горка. Вот площадка у бабушки: качелей нет, зато вдоль забора растут кусты сирени. Вот дача, на фоне которой Вера держит в руках пластмассовое ведерко. Ни один снимок не совпадал с образом сухого двора и ржавой перекладины.

Это ничего не доказывало окончательно. Фотографии не охватывали каждый ее день, каждый двор, каждую поездку. Но они не подтверждали память. Вера написала это в тетради отдельной строкой: «На имеющихся фотографиях похожего места нет».

Потом села у стола и перенесла эпизоды в четыре колонки. Там, где не знала ответа, так и писала: «не знаю». Там, где появлялась догадка, отмечала ее вопросительным знаком.

Например: «Возможная причина ощущения жары — погода и духота в автобусе». Это можно было проверить по погоде, хотя и не объясняло всего. «Возможная причина образа качелей — увиденная раньше площадка или случайная ассоциация». Это тоже было возможно, но пока непроверяемо. Вера не стала выбирать.

Когда она закончила, в голове всплыло нечто похожее на голос. Женский, негромкий, близкий. Слова прозвучали не полностью, как сквозь закрытое окно. Вера уловила только имя. Нина.

Она застыла с ручкой над бумагой. Имя не принадлежало никому из людей, о которых она думала в тот миг. По крайней мере, Вера не могла вспомнить такой связи. Она не понимала, услышала ли его в памяти, придумала ли по дороге к этой записи или просто вытянула из глубины знакомый звук.

В колонке «Образ» Вера написала: «Голос женщины, неясно. Имя: Нина». В колонке «Проверяемая догадка» добавила: «Пока проверить нечем». Затем на полях, отдельно от таблицы, написала слово «Нина» еще раз и обвела его. Подумала, провела вокруг слова второй круг.

Закончив первую запись, Вера закрыла тетрадь. Четыре колонки не объяснили, что произошло. Они сделали другое: не позволили одному предположению притвориться фактом.

Вечером, проходя по коридору, она услышала за стеной шаги и голос соседки. Та говорила с кем-то по телефону:

— Нина, я уже дома. Ты ключи оставила?

Имя прозвучало обыкновенно, в обыкновенном подъезде, за тонкой стеной. Вера остановилась. Вместе с голосом на мгновение вернулось ощущение жары: сухой воздух, липкий воротник, скрип качелей где-то неподалеку. Она не увидела лица. Только почувствовала рядом женское присутствие, будто кто-то стоял за ее плечом и ждал, когда автобус тронется.

Вера открыла тетрадь и записала: «Внешний звук: соседка произнесла имя Нина. После этого возникло ощущение женского присутствия и жара. Не считать подтверждением связи».

Она собиралась убрать тетрадь, когда край пальто, висевшего на крючке, зацепил ее за запястье. Пальто было старое, темно-синее, зимнее. Вера сняла его, чтобы повесить ровнее, и заметила, что один карман оттопырен. Она сунула туда руку.

На дне лежала металлическая пуговица.

Вера вытащила ее на свет. Темная от времени, тяжелая для своего размера, с круглой выпуклостью посередине и едва заметными насечками по краю. Пуговица была не от этого пальто: все его пуговицы были плоскими и черными. Вера не помнила, чтобы клала что-нибудь в карман прошлой зимой. Не помнила и саму вещь.

«Старая автобусная пуговица», — мелькнула мысль.

Она тут же задержала ее. Автобусная — это предположение. Факт состоял в том, что в кармане ее пальто лежала металлическая пуговица, которую она не узнавала.

Вера сфотографировала находку рядом с линейкой, чтобы сохранить размер. Потом записала в тетрадь: «Обнаружена в кармане пальто. Происхождение неизвестно». Отдельно добавила: «Сходство с предметом из памяти пока не установлено».

Когда она подняла глаза от страницы, в комнате стало тихо. Чуть тише, чем должно было быть. И тогда чужой август открылся снова.

Солнце ударило в стекло автобуса. На календаре, прибитом к стене, стояло первое августа. Женщина в светлой блузке держала в ладони билет. Ее лицо оставалось за границей зрения, но в памяти уже не было пустоты: она ждала кого-то, и жаркий день только начинался.

Вера не стала додумывать, кого ждала женщина и что должно было случиться дальше. Она положила пуговицу на страницу тетради и записала в четвертой колонке: «Возможно, пуговица связана с образом автобуса. Не проверено».

Под таблицей она добавила: «Первое августа. Место и человек неизвестны».

Потом обвела дату один раз. Второй круг оставила на завтра.

Комната, улица, незнакомое имя

Автобусное стекло потемнело, хотя солнце еще било в него сбоку. Женщина с билетом исчезла из поля зрения, и вместо ее светлой блузки Вера увидела выцветшие обои — желтоватые, с зеленым узором, который расплывался у швов.

Комната была тесной. Узкая кровать, стул с одеждой, на подоконнике — стакан с засохшим темным ободком. Запах пыли смешивался с железным, сухим запахом нагретых рельсов. Вера не просто смотрела на комнату. Она стояла в ней — босая или в тонких туфлях, этого память не показывала, — и чувствовала под пальцами шершавую ткань стены.

Из коридора донеслись шаги.

Она повернулась к двери раньше, чем они приблизились. Потом вышла из комнаты, и тело само повело ее по темной лестнице: мимо первой ступеньки, мимо второй, третью обогнуло, не наступив на скрипучую доску. Внизу нависала низкая балка. Вера пригнулась до того, как увидела ее.

Движение было таким точным, что внутри все сжалось. Не «мне кажется, я знаю этот дом», а именно знание: вот здесь не наступать, здесь пригнуть голову. Будто тело уже проходило этот путь десятки раз.

За дверью был жаркий день. Улица тянулась вдоль насыпи, за которой темнели рельсы. На синей табличке у угла проступило слово: СЕМАФОРНАЯ. Вера не могла разобрать номер дома, только белые буквы, обведенные солнцем. Кто-то рядом произнес отчетливо, почти сердито:

— Нина Ветрова.

Вера резко вдохнула и обнаружила, что сидит за собственным столом. Тетрадь лежала перед ней. Пуговица по-прежнему находилась на странице, рядом с записью о первом августа.

Она не стала отодвигать ее и не стала хвататься за телефон. Сначала положила обе ладони на стол, потом назвала вслух предметы в комнате: лампа, чашка, окно, тетрадь. Простые слова вернули стенам их обычные расстояния.

Сердце билось часто. На языке оставался металлический привкус, словно Вера действительно провела несколько минут рядом с железной дорогой. Но привкус не был доказательством железной дороги, как и скрипучая ступенька не доказывала, что она когда-то жила в той комнате.

Она открыла тетрадь на чистой странице и провела три вертикальные линии. Над колонками написала: «Подтверждено», «Не подтверждено», «Противоречит».

В первую пока не попало ничего.

Во вторую Вера внесла: «Комната с выцветшими обоями. Лестница, третья ступень скрипит. Низкая балка. Улица рядом с железнодорожной насыпью. Табличка: возможно, Семафорная. Голос: “Нина Ветрова”».

В третью добавила: «Точных данных нет. Нельзя считать память противоречивой только потому, что я ничего не знаю».

Последняя запись показалась ей слишком осторожной, почти канцелярской. Но именно поэтому она оставила ее. Страх толкал к двум простым выводам: либо это все выдумка, либо Вера каким-то образом прожила чужую жизнь. Ни один из них она пока не могла проверить.

На следующий день она отправилась в областную библиотеку, где в краеведческом отделе хранились старые городские справочники. Дождь начался, когда Вера уже подходила к зданию. На ступенях блестела вода, а стеклянные двери отражали улицу так, что люди казались проходящими в двух направлениях одновременно.

В справочном зале пахло картоном и мокрой шерстью. За длинным столом сидела библиотечкарь с короткой седой стрижкой. На бейджике было написано: «Лидия Сергеевна».

— Я ищу старую улицу, — сказала Вера. — Кажется, Семафорная. В городе Березове. Возможно, рядом с железной дорогой.

— Для какого периода?

Вера помедлила.

— Примерно тридцать лет назад. Может быть, раньше.

Лидия Сергеевна посмотрела на нее поверх очков, но не стала спрашивать, почему тридцать лет и почему Березов.

— У нас есть справочники районов области, планы нескольких городов и газетные подшивки. Начнем с указателя улиц. Только учтите: названия могли менять, а планы не всегда точны.

— Я как раз пытаюсь не считать их точными заранее.

Библиотекарша кивнула так, словно это был правильный ответ на вопрос, которого она не задавала.

Первые два справочника не дали ничего. В третьем, изданном в конце восьмидесятых, Вера нашла Березов и строчку «Семафорная улица». Рядом стоял номер района, но не дома. Она перечитала запись, ощутив знакомое сжатие под ребрами. Название совпало. Это было важно. Но название улицы, найденное в книге, не говорило, откуда взялась память и кому она принадлежала.

— Вот план, — сказала Лидия Сергеевна, пододвигая к ней большой лист под прозрачной пленкой.

Березов был нанесен на карту плотной сеткой улиц, железнодорожных путей и промышленных корпусов. Вера нашла Семафорную. Она шла вдоль старого рабочего квартала, а железнодорожная насыпь действительно проходила поблизости.

Вера достала тетрадь и внесла в первую колонку: «Семафорная улица существовала в Березове. Подтверждено справочником». Ниже: «Рядом проходила железнодорожная линия. Подтверждено планом».

Потом добавила во вторую: «Табличка из памяти не проверена. Точный дом неизвестен. Комната, лестница и балка не подтверждены».

— А улица прямо у насыпи? — спросила она.

Лидия Сергеевна наклонилась к плану.

— Смотря что считать прямо. До путей здесь два квартала. Между ними отмечены складские строения. Масштаб старый, возможны ошибки, но вплотную улица не проходит.

Вера вспомнила, как в образе рельсы будто бы начинались за стеной. Не за двумя кварталами, не за складскими корпусами, а совсем рядом: железный гул проходил сквозь комнату.

Она внесла в третью колонку: «В памяти насыпь кажется ближе, чем на плане. Возможно, искажение расстояния. Точная проверка невозможна».

Противоречие было небольшим, но настоящим. Вера почувствовала, как немного ослабевает очарование сцены. Раньше та представлялась цельной, почти документальной. Теперь в ней обнаружилась складка: расстояние не сходилось. Не вся карта была ложной, но и не вся могла быть буквальная.

— Есть что-нибудь о пожаре? — спросила она.

Лидия Сергеевна посмотрела на старый план, потом на справочник.

— Если речь о Березове, в конце девяностых на Семафорной был пожар в рабочем общении. Должны быть газетные заметки или муниципальная хроника. Но такие вещи лучше искать на месте, в Березове. У них там своя подшивка.

Вера прикрыла тетрадь. Она не собиралась ехать в незнакомый город из-за одного имени и нескольких кадров. Так она сказала себе. Потом посмотрела на колонку с подтвержденным: улица, железная дорога. И на ту, где лежало не подтвержденное: женщина в блузке, пуговица, лестница. Все это не стало яснее, но перестало быть бесформенным.

До электрички оставалось чуть больше часа. Вера купила билет.

В Березов она приехала ближе к вечеру. Город встретил ее влажным ветром и запахом угля, хотя поблизости не было видно ни трубы, ни завода. На вокзале она на всякий случай спросила у женщины в киоске, как добраться до Семафорной.

— Старой? — переспросила та. — Сейчас ее уже нет. Там депо и стоянка. Вам к путепроводу, потом налево.

Это прозвучало буднично, но Вера ощутила неприятный толчок, как от внезапно пропущенной ступеньки. Улица, которой не было на современной карте, действительно могла существовать в старых справочниках. Но ей не хотелось превращать это совпадение в подтверждение всего остального.

Она дошла до путепровода. Поезд прошел над головой, и вибрация отозвалась в зубах. За путями открывалась площадка с ограждением, грузовыми воротами и несколькими низкими зданиями. Семафорной не было. Только на стене у проходной висела новая табличка с названием промышленного проезда.

Вера сверилась с планом. Примерное место совпадало. Примерное — не точное. Она не знала, где стояло общежитие и сохранился ли фундамент. Ни одной знакомой детали, кроме железнодорожного гула, она не нашла.

На следующий день она пришла в городской архив. В читальном зале ей показали книгу учета происшествий и местную газету за 1994 год. Архивист, мужчина лет шестидесяти, предупредил, что часть материалов повреждена, а подшивки за некоторые месяцы неполные.

— Мне нужна запись о пожаре на Семафорной, — объяснила Вера. — Я не ищу чьих-то личных дел. Хочу понять, была ли улица и что там случилось.

— Улица была, — сказал архивист. — А вот что именно вы хотите понять, бумаги, возможно, не объяснят.

Она оценила его осторожность. Он не обещал разгадку и не пытался отговорить.

В книге нашлась краткая запись: «1 августа 1994 года. Возгорание в общежитии рабочего типа на Семафорной улице. Пожар ликвидирован. Причины устанавливаются». Ни списка жильцов, ни подробностей в журнале не было. В отдельной папке лежал план района. На нем общежитие было обозначено прямоугольником у промышленных строений, примерно в двух кварталах от насыпи.

Первое августа.

Вера провела пальцем по дате, но не коснулась бумаги.

— Значит, это тот пожар? — спросил архивист.

— Это пожар в тот день и на той улице, — ответила она. — Больше я пока не могу сказать.

В тетради в графе «Подтверждено» появилась новая строка: «В 1994 году на Семафорной улице произошел пожар в общежитии. Дата — первое августа». Она задержала карандаш над соседними колонками, потом записала в «Не подтверждено»: «Связь комнаты из памяти с общежитием». В графе «Противоречит» уточнила прежнее: «В образе железная дорога почти за стеной; по плану между ней и общежитием были кварталы и склады».

Совпадение даты ударило сильнее, чем улица. Вера вдруг ясно представила, как легко можно сделать следующий шаг: решить, что комната была в общежитии, женщина в блузке — Ниной, а пуговица принадлежала ей. Каждая догадка могла пристроиться к предыдущей так плотно, что через несколько минут казалась бы воспоминанием.

Она закрыла тетрадь.

— Есть газетные подшивки? — спросила Вера.

— За август — вон тот шкаф. Нужный выпуск, возможно, не подшит. Попробуйте указать происшествия.

Газетная бумага была ломкой, края страниц потемнели. Вера перелистывала их медленно, не пропуская заголовки. В заметке от второго августа сообщалось о пожаре в рабо-

чем общежитии на Семафорной. Огонь повредил часть второго этажа, жильцов эвакуировали. Причина устанавливалась. Ни фамилий, ни описания комнат.

Она уже собиралась вернуть подшивку, когда заметила короткое объявление на нижней половине следующей страницы. Не новость, почти незаметная строка под сообщением о ремонте моста.

«Разыскивается Нина Ветрова, девятнадцати лет, проживавшая в общежитии на Семафорной. После пожара местонахождение неизвестно. Просьба сообщить сведения в редакцию или отдел милиции».

Вера перечитала объявление. Потом еще раз, медленнее.

Имя было тем же. Улица была той же. Пожар был тем же. Но найденная запись не говорила, что именно она видела в комнате, кто произнес имя и почему чужая память пришла к ней. Газетная заметка не называла женщину в светлой блузке, не упоминала пуговицу и не объясняла, куда исчезла Нина Ветрова.

Вера положила ладонь на страницу, чтобы та не закрылась. На этот раз сердце билось ровнее. Не потому, что тайна стала меньше, а потому, что у нее появились границы.

В тетради она написала: «Имя Нина Ветрова связано с пожаром в газетной заметке. Совпадение обнаружено. Причина связи с моими образами неизвестна».

Затем поставила точку, не обводя ее кругом.

Проверка невозможного

Вера сложила газету пополам, но не убрала. Бумага уже нагрелась под ладонью, а объявление от этого не стало понятнее. В нем по-прежнему были имя, улица, пожар и просьба сообщить сведения. Все остальное оставалось за пределами строчек.

Ночью она несколько раз просыпалась и мысленно возвращалась к своей записи: «Совпадение обнаружено. Причина связи с моими образами неизвестна». Фраза казалась честной, но не утешительной. Хотелось дописать к ней хоть что-нибудь определенное. Например: «Значит, это была Нина». Или: «Значит, я наконец знаю, что произошло». Вера удержалась. Утром ей даже пришло в голову, что за одну эту выдержку можно выдать себе медаль, хотя награждать человека за то, что он не торопится с выводами, было бы примерно как вручать грамоту за то, что он не сел в лужу.

Она открыла тетрадь и перечитала записи, сделанные до газетной заметки. Там были окно с перекошенной защелкой, женский голос, произнесший «Нина», и крупная светлая пуговица, лежавшая на полу у стены. Записи были датированы. Они доказывали, что образы появились раньше, чем Вера нашла объявление. Но не доказывали, откуда эти образы взялись.

Она набрала Лену.

— У меня есть новая улика, — сказала Вера, едва та ответила.

— Настоящая или из категории «соседка посмотрела на меня в лифте»?

— Старая газетная фотография.

— Уже лучше. Встречаемся в библиотеке?

Через час они сидели в краеведческом отделе городской библиотеки. За окнами шел мелкий дождь, и мокрые ветки прижимались к стеклу, словно тоже хотели заглянуть в подшивки. Вера нашла нужную страницу в старой районной газете. Снимок был небольшим, зернистым, напечатанным на серой бумаге. На нем виднелась длинная стена дома, ряд одинаковых окон и женщина, стоявшая к фотографу спиной.

Вера наклонилась к странице.

— Вот.

Она указала на окно за плечом женщины. Четыре вертикальных деления, темный угол рамы, нижняя створка чуть перекошена. Внутри нее что-то сдвинулось: теплый желтый свет, чужой затылок, запах пыли и мокрой шерсти. На мгновение пальцы сами сжались, будто она снова держала край подоконника.

— Это оно, — сказала Вера. — То самое окно.

— То самое, которое ты видела в воспоминании?

— Да.

— Уверена?

Вера выпрямилась.

— Я уже всё поняла, Лена. Окно, Семафорная, пожар, имя. Это Нина.

Она произнесла это быстро, почти с облегчением. Слова наконец выстроились в ряд, и хотелось верить, что достаточно только поставить их рядом, чтобы из них получилась правда.

Лена не спорила сразу. Она пододвинула газету ближе к себе и посмотрела на снимок.

— А чем именно это окно отличается от остальных?

Вера снова наклонилась. На фотографии рама была темной, как и все рамы на этой улице. Краска облупилась в одном углу, но такие же облупленные углы были на других окнах. Перекос створки мог быть виден только потому, что снимок нечеткий.

— У него защелка, — сказала Вера.

— Ее не видно.

— Воспоминание добавляет детали, которых тут нет.

— Может быть. Но фотография не показывает, что ты видела именно это окно. Она показывает ряд окон.

Вера почувствовала, как внутри поднимается раздражение. Не на Лену даже, а на эту осторожность, которая будто мешала наконец распахнуть дверь. Ей хотелось сказать: ты не понимаешь, я не выбирала этот образ, он сам пришел. Но Лена и не утверждала, что Вера его выбрала. Она лишь не соглашалась назвать совпадение доказательством.

— Таких окон сотни, — продолжила Лена. — В старых общежитиях, школах, больницах. Может быть, ты видела похожее в другом месте. Может быть, именно это. Но снимок не может решить за нас.

Вера посмотрела на фотографию еще раз. На этот раз окно оказалось просто окном. Сходство не исчезло, но стало менее убедительным, словно она смотрела на него не через увеличительное стекло, а сквозь обычный воздух.

— Я сказала, что уже всё поняла, — произнесла она. — Поторопилась.

— Бывает.

— Ты могла бы хотя бы немного злорадствовать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.